Том 23. Глава 8. Родные люди.

В этот раз он спал очень долго, но даже сквозь глубокий сон мог ощутить знакомые запахи. Уже очень давно он не ощущал себя так спокойно.

Поэтому он погрузился в глубокий сон и словно не хотел просыпаться. Только во сне его преследовало странное колющее ощущение боли, где-то в сердце, которое не хотело его отпускать. Сделав резкий вдох, Зевул проснулся. Увидев перед собой эту комнату, он подумал, что все еще спит и молча огляделся. Он жил здесь, когда был ребенком, и рос здесь. Стол, стулья, кровать, окно и дверь, кажется, эта обстановка осталась такой же, какой он ее помнил.

На стене над кроватью все еще висел большой свиток с иероглифом «Путь», только цвет немного потускнел, но сама картина излучала все такую же силу, как в тот день, когда он впервые ее увидел.

Оконная рама легко скрипнула и немного отворилась. Аш запрыгнул внутрь, увидел что Зевул проснулся и сел на кровати рядом. Он невольно развеселился, улыбаясь во весь рот, и несколько раз подпрыгнул. Сердце Зевула забилось быстрее. Эта картина была такой, словно он вернулся на много лет назад, и если бы не рана на теле, да еще третий глаз на лбу Аша, он бы и впрямь решил, что все еще спит.

Но это было невозможно.

Аш что-то прокричал Зевулу, тот опустил голову и увидел, что в лапках Аш держит несколько диких ягод. Он сорвал их снаружи и принес поделиться с хозяином. Зевул покачал головой, выражая отказ, и Аш не стал больше предлагать – одним прыжком он оказался на столе, открыл рот и начал громко чавкать.

Зевул молча смотрел на все это, затем его взгляд упал на полуоткрытое окно, через которое вошел Аш. Через окно пробивался свет, но что было снаружи, нельзя было различить. Однако Зевул итак это знал – за окном был небольшой дворик, в нем росла маленькая сосна и разные травы, еще была каменная тропинка, а в стене дворика полукруглая арка. Каждая травинка здешних мест была вырезана в его памяти навечно.

Воздух был свежим и даже немного сладким, даже маленький дворик снаружи был наполнен ароматом цветущих трав.

В какой-то момент Зевул почувствовал, что вернулся домой. Но потом сердце отдалось болью, которая разбудила его.

Снаружи раздались шаги.

Взгляд Зевула обратился к двери. Шаги очень быстро оказались рядом, но человек за дверью словно не решался войти, и не сразу открыл ее.

Зевул внимательно смотрел на дверь.

Через несколько мгновений дверь, наконец, распахнулась.

В проеме показалась высокая крепкая фигура, и этот человек сразу же увидел, что Зевул проснулся. Их взгляды встретились, но никто не спешил говорить. В глазах каждого отражались самые разнообразные чувства, может быть поэтому все слова, которые они хотели

сказать, растворились в воздухе.

Аш, сидя на столе, выплюнул ягодную косточку, посмотрел на дверь, что-то крикнул, и продолжил есть свои ягоды.

Парень в дверях вздохнул, на его губах появилась горькая улыбка. Он покачал головой, вошел внутрь и внимательно посмотрел на Зевула. «Мы столько лет не виделись, мне лучше называть тебя Седьмой или Младший брат?»

Губы Зевула дрогнули, но сразу успокоились. Он посмотрел на этого парня и тихо сказал:

«Старший брат…»

На Пике Большого Бамбука, также как в его воспоминаниях, было тихо и спокойно. Интересно, куда подевались все остальные.

Ксавьон молча посмотрел на человека, который когда-то был его любимым младшим братом, и самым бестолковым учеником Тянь Болиса на Пике Большого Бамбука. Теперь все изменилось.

Десять лет прошло, а они словно видятся впервые.

«Все эти годы… с тобой все было хорошо?» Ксавьон сел напротив Зевула и спросил.

Зевул не ответил, он промолчал. Десять лет утекли как вода, незаметно для себя он прошел столько дорог, но как он мог ответить ему «хорошо»?

Ксавьон смотрел на него, когда-то молодого Дан Сайона, и ему казалось, что он был точно таким же, только лицо стало немного повзрослевшим. Когда этот парень, моложе него на несколько лет, успел стать настолько сильным? Да еще на его голове, кажется, появились седые волосы…

Ксавьон вздохнул и спросил снова: «Как ты себя чувствуешь?»

Зевул опустил голову и посмотрел на свою рану, она была перебинтована чистыми повязками вместо тех рваных полос. Очевидно, это ученики Пика Большого Бамбука позаботились о нем. Рана все еще болела, но сейчас уже было намного лучше, чем раньше. Он молча кивнул. «Со мной все в порядке, спасибо за заботу, Старший брат».

Он вдруг вспомнил о чем-то и посмотрел на Ксавьона. «Я… я ведь предатель для Айне, разве ты еще можешь признавать меня как брата?»

Ксавьон усмехнулся, хоть в его улыбке и была горечь. Он сказал: «Госпожа рассказала нам, что Мастер при жизни…» сказав слова «при жизни» Ксавьон вдруг закашлялся, его глаза покраснели. Услышав это, Зевул невольно вздрогнул.

Ксавьон успокоился и продолжил: «При жизни Мастер часто говорил ей, что он никогда лично не выгонял тебя с Пика Большого Бамбука. К тому же он никогда не думал, что тогда, десять лет назад, ты был виноват. Поэтому Госпожа сказала нам, что сегодня, если ты сам захочешь, ты все еще можешь быть Седьмым учеником Пика Большого Бамбука… нашим братом…»

Зевул медленно опустил голову и задрожал. Он схватил левой рукой подушку и крепко сжал в кулаке, а правой рукой закрыл лицо, вытирая с глаз брызнувшие слезы.

В комнате стало тихо. Через какое-то время, когда Зевул понемногу пришел в себя, Ксавьон

снова тихо заговорил: «Если ты чувствуешь, что можешь подняться, пойдем со мной в Зал Тишины. Там Госпожа читает поминальную молитву… для Мастера. Она хочет видеть тебя».

«… Хорошо».

Они вышли из комнаты и пошли по знакомой галерее. Ксавьон шел впереди, его широкие плечи и спина высились как гора.

Зевул, следую за ним, невольно вспомнил детство, когда он впервые оказался на Пике Большого Бамбука, и точно также следуя за Ксавьоном вошел в новый незнакомый мир.

Теперь это прошлое казалось сном.

Его взгляд опустился на пояс Ксавьона, и он только сейчас заметил, что у того на поясе привязана белая лента. Конечно же это был знак траура и выражение скорби.

Он закрыл глаза.

Они вышли из галереи, и вдалеке показался Зал Тишины. Только теперь вместе с вьющимся дымом благовоний над Залом слышался плач.

Ксавьон молча пошел в сторону Зала Тишины, но вдруг остановился и оглянулся, заметив что Зевул стоит на месте, глядя вперед, но почему-то не решается сделать шаг.

«Что случилось?»

Лицо Зевула было бледным, почему-то глядя на этот дым и услышав этот плач он ощутил страх в душе, словно ребенок, который совершил ошибку, не решающийся посмотреть в глаза опечаленным родителям.

Ксавьон словно заметил это, вздохнул и сказал: «Идем». Он похлопал Зевула по плечу. Тот вздрогнул и посмотрел на Ксавьона, молча кивнул и продолжил идти.

Чем ближе они подходили, тем ярче в воздухе был запах благовоний и тем яснее слышался звук плача. И хотя Зевул слышал знакомые голоса, среди них не было женского плача. Ни Сурин, ни его сестры Лин Эр, которая давно уже вышла замуж.

Наконец, вместе с Ксавьоном, он снова оказался у ворот Зала Тишины.

Пять взглядов тут же обратились к нему. Зевул невольно вздрогнул и посмотрел в ответ на каждого из них.

У Даи, Чжен Дали, Хэ Дачжи, Лю Дасинь, Ду Би Шу!

Все эти знакомые лица сейчас стояли перед ним. Много лет назад, самые родные люди, самые лучшие братья.

На поясе каждого из них, также как у Ксавьона, была повязана белая лента. Их лица были печальными, глаза краснели от слез. Внутри Зала Тишины стоял большой железный чан, внутри которого горел огонь. Стоящие рядом братья медленно бросали в него жертвенную бумагу.

Огонь горел, от него медленно поднимался дым.

Зевул застыл – за клубами дыма виднелось тело Тянь Болиса, спокойно лежащее на смертном ложе. Грязную одежду сменили новые одеяния, кажется даже выражение его лица стало более спокойным. Госпожа Сурин сидела рядом с его телом и держала в руках ладонь Тянь Болиса, крепко ее сжимая.

Ее лицо было полно горечи, но в глазах не было слез. В волосах был приколот белый цветок, прекрасный и печальный. Она только крепко сжимала руку мужа и смотрела на его лицо. А ее дочь, Лин Эр, отсутствовала.

Йелла, которого Тянь Болис воспитывал с малых лет, беззвучно лежал рядом, положа морду на лапы, словно совершенно растеряв весь свой живой характер.

Взгляд Зевула больше не мог оторваться от Тянь Болиса. Его ноги потяжелели, он медленно пошел вперед. Ксавьон молча шел рядом, затем он достал белую ленту и протянул Зевулу. Тот посмотрел на него с благодарностью, кивнул и тихо сказал, принимая ленту: «Спасибо».

Ксавьон глазами указал в сторону Сурин. «Иди, Госпожа ждет тебя». Договорив, он подошел к остальным братьям, встал на колени в сторону тела Тянь Болиса и трижды поклонился. Когда он поднялся, его глаза были красными. Затем он принял из рук У Даи жертвенную бумагу и бросил в огонь.

Зевул долго смотрел на ленту в руках, затем повязал ее на поясе в знак скорби, словно перевязав собственное сердце.

Он молча подошел к ложу и склонил колени, трижды поклонившись Тянь Болису. Затем он повернулся к Сурин.

«Ученик…» Его голос вдруг сорвался, только через какое-то время он снова смог заговорить, и продолжил: «Ученик Дан… Сайон… прибыл увидеть Госпожу».

Ксавьон и остальные ученики посмотрели на него, их лица были полны странных ощущений. Но конечно же больше всего в них было радости и сердечности.

Даже на лице Сурин на миг мелькнула радость. Она посмотрела на Зевула и кивнула ему. Затем ее лицо снова стало печальным. Посмотрев на Тянь Болиса, она тихо сказала: «Бу И, ты слышал? Это твой Седьмой ученик вернулся поклониться тебе».

Зевул упал в ноги Сурин, не смея ничего сказать.

За его спиной раздались всхлипывания.

Дым поднимался наверх и парил под потолком, Зал Тишины выглядел таким пустым, может быть потому, что хозяина не стало. Даже пространство вокруг казалось каким-то опустевшим, несмотря на то, что людей стало больше.

Через минуту Ксавьон вытер слезы на глазах и подошел к Сурин, тихо сказав: «Госпожа, прикажите как организовать похороны, необходимо оповестить всех старейшин Пиков о смерти Мастера, и я думаю, что нужно отправиться на Пик Головы Дракона, рассказать обо всем сестре Лин Эр, чтобы она…»

«С этим не торопись!» Сурин спокойно прервала Ксавьона.

Ксавьон удивленно замолчал, остальные ученики и даже Зевул удивленно замерли. В Зале

стало тихо, не было слышно ни единого звука. Через какое-то время Ксавьон, набравшись смелости, осторожно сказал: «Госпожа, Мастер ушел, и мы все понимаем, как вы страдаете. Но похороны… все же нельзя отложить».

Лицо Сурин осталось прежним, она даже не посмотрела на Ксавьона, в ее глазах сейчас был только силуэт Тянь Болиса.

Ксавьон почувствовал себя неловко, не зная, что сказать. Он обернулся и посмотрел на других учеников, но они только переглядывались, не зная как быть. Как вдруг раздался голос Сурин. «Ксавьон».

Он тут же ответил. «Да, Госпожа. Какие будут приказания?»

Сурин ответила: «Выйди ненадолго вместе с остальными, и без моего приказания не заходить».

Ксавьон застыл и отступил назад, все ученики посмотрели на него. Он нахмурился – Хэ Дачжи, самый спокойный из них, покачал головой, его лицо выражало тревогу. Ксаьвон, увидев это, нахмурился еще сильнее.

Он давно знал всех своих братьев, и о чем беспокоился Хэ Дачжи, тоже прекрасно понимал.

Он был самым старшим учеником, а значит дольше всех знал Мастера и Госпожу. Никто кроме него так не понимал чувства между ними. Если они все уйдут и оставят Сурин одну, кто знает…

Подумав об этом, Ксавьон побледнел от страха, и не мог сделать этот шаг. В этот момент Сурин окинула их взглядом и рассерженно проговорила: «Что с вами, неужели как только не стало вашего Мастера, вы уже ни во что не ставите мои слова?»

С глухим стуком Ксавьон и остальные ученики, кроме Зевула, бухнулись на колени. Подняв голову, Ксавьон торопливо сказал: «Что вы, Госпожа, как мы можем вас ослушаться!»

Сурин вздохнула, на ее лице отразилось страдание, словно у нее даже не было сил их ругать. Она только легко махнула рукой. «Тогда уходите».

Ксавьон и остальные не решались снова нарушать приказ, и потянулись к выходу. Но на сердце у них словно лежал тяжелый камень, они не знали как лучше поступить. Зевул поклонился Сурин и тоже пошел к выходу, но он не сделал и нескольких шагов как Сурин вдруг сказала:

«Седьмой, останься. Я хочу тебе кое-что сказать».

Зевул вздрогнул и остановился, а Ксавьон и остальные ученики с облегчением вздохнули. Все равно кто-то останется рядом с Госпожой, так что ничего страшного не случится. Они ускорили шаги и скоро покинули Зал Тишины.

В Зале сразу стало тихо, слышалось только потрескивание жертвенной бумаги в огне.

Зевул молча стоял на месте, опустив голову. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Сурин со вздохом сказала: «Твой Мастер всегда был жестким снаружи и мягким в душе. Когда десять лет назад случилось это несчастье, он все время винил в этом себя. И хотя он никогда не говорил мне, но я видела, что он чувствует себя виноватым перед тобой».

Глаза Зевула покраснели, он резко покачал головой. «Нет, это я плохой ученик, я не оправдал

ожидания Мастера, это я виноват перед ним…» он запнулся и сорвался на плач.

Губы Сурин задрожали, когда она услышала как Зевул плачет, словно от этого ей становилось еще больнее. Но хотя в ее глазах отразилась боль, она сдержалась и не проронила ни слезинки. Она молча посмотрела на лицо Тянь Болиса и сказала: «Твой Мастер никогда не отрекался от тебя, ты понимаеь?»

Зевул опустил голову и тихо сказал: «Да».

Сурин сказала: «И раз уж ты вернулся и признал его как Мастера, подойди и сожги для него жертвенной бумаги, как знак сыновьей почтительности. Я думаю, Бу И будет рад…»

Зевул сжал зубы и склонился перед телом Тянь Болиса. Поклонившись три раза, он со слезами поднялся и подошел к чану с огнем. Из-за того, что Ксавьон и остальные вышли и больше не кидали бумагу в огонь, он стал намного меньше. Зевул взял из стопки рядом жертвенную бумагу – она вся была новой.

На Пике Большого Бамбука несколько сотен лет никто не использовал жертвенную бумагу. Наверняка Ксавьон спускался с гор, чтобы ее купить. Сердце Зевула пронзило болью, он молча взял бумагу, распечатал и бросил в огонь.

Сурин сидела рядом с телом Тянь Болиса и молча смотрела на неровное пламя. Огонь отражался от стенок чана и озарял лицо Зевула неяркими отблесками.

Она вдруг спросила: «Когда твоего Мастера не стало, ты был рядом с ним?»

Зевул вздрогнул, повернулся к Сурин, все еще сидя у железного чана, и ответил: «Да».

Сурин внимательно посмотрела на него. «Вчера, когда ты был без сознания, я поменяла твои повязки, и заметила, что на твоей ране остался след энергии Духа Пламени. Поэтому твои энергетические каналы так серьезно ранены. Что там произошло?»

Сердце Зевула подпрыгнуло, на руках выступил пот, через миг он тихо ответил: «Я действительно получил эту рану от рук Мастера, но…»

Он вдруг остановился, не зная, с чего начать. Той ночью случилось многое, и хотя его, казалось, уже нельзя ничем удивить, все-таки он не мог просто так говорить о смерти своего любимого Мастера.

Сурин фыркнула, ее глаза грозно сверкнули, она холодно сказала: «Расскажи мне всю правду».

Зевул не мог встретиться взглядом с Сурин, он опустил голову, но потом начал говорить, постепенно рассказав ей все, начиная с того вечера, когда он встретил таинственного человека на развалинах Деревни Травников и как они оказались на заброшенном кладбище, до момента смерти Тянь Болиса.

Сурин с каждым его словом становилась все бледнее, особенно когда дослушала до конца – на ее лице уже не было ни кровинки. Только обе руки крепко сжимали ладонь Тянь Болиса, словно она боялась, что он вновь покинет ее.

Наконец, Зевул тихо проговорил: «Так все и случилось, я бы не посмел обмануть Госпожу».

Взгляд Сурин переместился к Тянь Болису, она внимательно посмотрела на его родное лице.

Может быть, он ни о чем не жалел, и в душе понимал, что сделал то, что должен был сделать!

Она глубоко вздохнула, выпрямилась, и хотя в душе ей очень хотелось лежать здесь рядом с мужем, она понимала, что ее время еще не пришло.

«Ты уверен, что видел…» Голос Сурин был немного задумчивым.

Зевул не сразу понял, о чем она говорит, и переспросил: «Госпожа, вы имеете в виду…»

Лицо Сурин было бледным, она тихо сказала: «Тот таинственный человек, это правда был Мастер… Шен Доул?»

Зевул глубоко вздохнул и уверенно ответил: «Ученик видел все своими глазами. Если бы он даже превратился в пепел, я не мог ошибиться».

Сурин молча кивнула. Через несколько мгновений она задумчиво спросила: «Ты сказал, что когда Бу И в конце концов потерял контроль над собой, он напал на тебя, и его убила Анан с Пика Малого Бамбука?»

Зевул вздрогнул всем телом, на его лбу выступил холодный пот, но потом он все же сжал зубы и ответил: «Да!»

Сурин безмолвно смотрела на него, словно осознавая сказанное. Зевул чувствовал, что его лицо начинает гореть под ее взглядом, и он осторожно добавил: «Анан… она… она сделала это, чтобы спасти меня. Нет, это я…» Его лицо вдруг стало серьезным, он склонился к полу и тихо сказал: «Госпожа, это все моя вина, Анан, она…»

Сурин вздохнула. «Я помню, что среди всех учеников Айне она относилась к тебе лучше всех, и даже когда ты ступил на путь Тьмы, я слышала, она не могла тебя отпустить. Из-за тебя она даже ослушалась приказа Мастера Шуй Юэ и отказала предложению Мастера Юнь Иланя выйти за одного из учеников Тайо, так?»

Зевул лежал на полу, а в душе царил хаос. На языке вертелись тысячи слов, но он ничего не мог сказать.

В тот вечер, когда это случилось, хотя он и понимал, что Анан не могла не нанести удар, чтобы спасти его, все-таки Тянь Болис был его Мастером, человеком, которому он был обязан всем. И когда прямо на его глазах грудь Мастера пронзил Ориханк, после этого, он невольно ощутил, как сердечная боль разделила его и Анан на целые тысячи миль.

После трагедии на Южных Границах и того короткого объятия… теперь пропасть между ними стала еще больше. Почему небо и земля так безжалостны?

Сейчас, перед глазами Сурин, хотя чувства Зевула к Анан были такими запутанными, он не мог позволить, чтобы Сурин решила, что это ее вина. Он прекрасно понимал, как Сурин любила Мастера, не сравнимо крепче чем он сам. Так если даже ему было так больно, как он мог сгладить ее боль и просить ее о прощении?

Зевул молчал, не зная, что сказать.

Реальность пронзила его, словно острое лезвие – казалось, каждый человек, который приближался к нему, был обречен на страдание!

Но только выражение лица Сурин не было таким серьезным, как он себе представлял. Наоборот, печаль ушла, и осталась глубокая задумчивость. Через мгновение Сурин сказала ему: «Ты сказал, что перед смертью Бу И, когда пришел в себя, узнал тебя, так?»

Зевул кивнул. «Да».

Сурин продолжила: «И что он тебе сказал?»

Зевул задумался на миг и тихо сказал: «Мастер очнулся и сказал мне несколько слов».

Сурин переспросила: «Что он сказал?»

Зевул сказал: «Сначала он сказал кое-что странное, всего три слова – не вини ее, не надо. А потом он попросил, чтобы я передал его тело вам, отнес его на Пик Большого Бамбука. И он просил сказать…»

Лицо Сурин изменилось, она спросила: «Что он просил сказать мне?»

Зевул тихо ответил: «Мастер просил ученика передать Госпоже, чтобы вы не печалились и не… не делали глупостей».

Сурин замерла, в ее глазах блеснули слезы. Она покачнулась, словно обессилела, и наклонилась вперед, всем видом выражая боль. Зевул заволновался, но не посмел подходить, а только поднял голову и сказал: «Госпожа, не надо так убиваться!»

Помолчав, Сурин спокойно ответила: «Со мной все в порядке. Поднимайся».

Зевул только теперь встал и поднял голову. Лицо Сурин было спокойным, но в глазах все еще стояла печаль.

В Зале Тишины снова стало тихо, Зевул молча подкинул еще жертвенной бумаги в огонь. Как вдруг Сурин сказала ему: «Ты наверное обвиняешь Анан в том, что она убила твоего Мастера? Ты злишься на нее?»

Зевул удивленно вздрогнул, не понимая, почему Госпожа вдруг спросила его об этом, и не зная, что ответить. Но Сурин была достаточно умной, чтобы все увидеть самой. Она просто посмотрела на выражение лица Зевула и кивнула.

Она просто сказала: «Ты разве не понял, что означали эти слова Бу И – не вини ее?»

Зевул застыл. «Что?»

Сурин горько усмехнулась. «Если я правильно все поняла, Бу И сам хотел, чтобы эта девушка, Анан, убила его».

Зевул удивился еще больше. «Госпожа, вы…»

Сурин вздохнула. «Ладно. Это уже в прошлом, теперь ничего нельзя изменить. И секрет нашего прошлого поколения нельзя вечно прятать от вас». Она молча обернулась, посмотрела на Тянь Болиса. Лицо его было спокойным, как будто он мирно спал. Сурин тихо сказала: «Бу И, ты ведь наверняка хотел бы, чтобы я рассказала ему эту тайну…»

http://tl.rulate.ru/book/13084/421129